

Лоренц Эррен

О происхождении некоторых особенностей советской партийной публичной сферы

ПОДДАННЫЙ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА
И «САМОКРИТИКА» В 1930-е ГОДЫ¹

Lorenz Erren

Zum Ursprung einiger Besonderheiten der sowjetischen Parteiöffentlichkeit.
Der stalinistische Untertan und die «Selbstkritik» in den dreißiger Jahren

Лоренц Эррен (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, доцент департамента истории; PhD) lerren@uni-mainz.de.

Lorenz Erren (PhD; Associate Professor of Department of History, School of Arts and Humanities, HSE University in St. Petersburg) lerren@uni-mainz.de.

Ключевые слова: большевизм, публичная сфера, публичное раскаяние, ритуалы исповедания, самокритика, советская история, сталинизм

Key words: Bolshevism, public sphere, public repentance, confession rituals, self-criticism, Soviet history, Stalinism

УДК: 329.15+323.23

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_81

UDC: 329.15+323.23

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_81

В статье рассматриваются два важных следствия провозглашенного в 1928 году лозунга «критики и самокритики», оказавшего воздействие на советскую публичную сферу 1930-х годов: социальная практика индивидуального покаяния и превращение публичной сферы в изощренное пространство доноительства. Подчеркивается различие между индивидуальными покаяниями оппозиционных деятелей и распространившейся после разгрома оппозиции, а впоследствии охватившей все советское общество коллективной «самокритикой» как «большевистским методом воспитания» и борьбы с «непорядками». Тем не менее впоследствии оба явления слились в единую социальную практику, что противоречило изначальному смыслу «самокритики». Отмечая неосуществимость идеала «самокритики», автор указывает на сталинистский характер соответствующей этики: будучи не в состоянии соответствовать этому идеалу и не зная, как сообразовывать призыв к «критике» с официальной идеологией в каждом конкретном случае, граждане вынуждены были играть в «советскую рулетку»,

This article discusses two important effects of the 1928 slogan “criticism and self-criticism” on the Soviet public sphere in the 1930s: the social practice of individual repentance and the transformation of the public sphere into a refined space of denunciation. The author emphasizes the difference between oppositionists’ individual declarations of repentance and the collective “self-criticism”, which, having spread in the wake of the defeat of the opposition, came to engulf the entire Soviet society as a “method of Bolshevik education” and of fighting various shortcomings. Later on, however, both phenomena merged into a single social practice, which was at odds with the original meaning of “selfcriticism”. Noting the impracticability of the ideal of “self-criticism”, the author points out the Stalinist nature of the corresponding ethics: being unable to fulfil this ideal and not knowing how to bring the call for “criticism” in accordance with the official ideology in each given case, citizens were forced to play “Soviet roulette” trying to anticipate the unpredictable politics of the party. The main function of the “self-criticism” discourse is seen in the transformation of the political public sphere

1 Перевод статьи выполнен по изданию: *Erren L. Zum Ursprung einiger Besonderheiten der sowjetischen Parteiöffentlichkeit. Der stalinistische Untertan und die „Selbstkritik“ in den dreißiger Jahren // Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Hrsg. G.T. Rittersporn, M. Rolf, J.C. Behrends. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 131–164.*

стараясь предугадать непредсказуемую политику партии. Основная функция дискурса «самокритики» усматривается в превращении политической общественности в зону взаимного контроля, которая обеспечивала незыблемую авторитетность режима.

into a zone of mutual control, ensuring the lasting authority of the regime.

Публичная сфера Советского Союза 1920—1930-х годов во многом складывалась из заседаний и собраний. Значительная часть населения регулярно участвовала в собраниях с политической подоплекой, которые принципиально проводились не только в партии, но и во всех прочих советских институциях.

Для сталинского способа правления характерно, что даже после разгрома всех оппозиционных групп и запрета любых отклоняющихся мнений внутри партии и других организаций советская общественная жизнь с ее собраниями не только сохранилась на институциональном уровне, но и фактически продолжала быть сферой разрешения конфликтов.

Этому во многом способствовал провозглашенный в 1928 году лозунг «критики и самокритики». Он призывал лояльное советское население выступать на заводских, партийных и других собраниях с критикой всевозможных «непорядков» и «бюрократизма». С большим публицистическим размахом режим осуждал отсутствие критической публичной сферы, или «отсутствие самокритики», высмеивая злоупотребление партийной публичностью в угоду ритуальной «бумажности», «декларативности» и одобрительной «аллилуйщине». Пропаганда требовала, чтобы вместо этого на собраниях высказывалась живая «критика» конкретных нарушений.

Реакция партийного общества и партийной общественности² на эту псевдодемократическую кампанию «самокритики» привела к одному крайне сложному, отчасти непредусмотренному преобразованию, которое в итоге не только обогатило партийные будни социальной практикой индивидуального «заявления о раскаянии», но и в целом превратило политическую публичную сферу из примитивного пространства аккламации в изоцированное пространство доносительства.

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать оба этих очень разных и до сих пор превратно понимаемых следствия лозунга «самокритики». Когда и как, собственно, возникли эти загадочные социальные практики, часто обозначаемые историками как «ритуалы исповеди» (Konfessionsrituale) или «заседания, посвященные самокритике» (Selbstkritiksitzen)? Где лежали истоки политической культуры, в которой общественный донос и унижительное самообвинение заслуженных людей стали повседневными явлениями?

Ниже я постараюсь подробнее проследить возникновение и развитие специфической партийной публичной сферы в советском партийном обществе 1920—1930-х годов.

2 Ввиду во многом аналогичной структуры других организаций, их кадрового слияния с партией и полной от нее зависимости представляется оправданным в дальнейшем употреблять термин «партийная публичная сфера» и в тех случаях, когда, строго говоря, следовало бы вести речь о «контролируемой партией политической публичной сфере советских организаций».

«Большеви́стские ритуалы исповеди» в западной научной литературе³

В западной литературе о «самокритике» и поныне нередко господствует одно старое недоразумение, на которое недавно указал Олег Хархордин⁴. До сих пор почти все авторы склонялись к тому, чтобы рассматривать покаяния оппозиционеров, кампании «критики и самокритики» и самооговоры обвиняемых на московских показательных процессах как единый феномен, якобы восходящий к некоей «большеви́стской традиции».

Так, Бертольд Унфрид в статье «Ритуалы исповеди и самокритики» пишет:

Честная, большеви́стская самокритика как ритуализированная публичная исповедь принадлежала... к традиции большевизма. Все функционеры КПСС, а также все оппозиционные группы вплоть до самого Троцкого (1926) широко практиковали этот ритуал покорности, высказывая самокритику в виде публичного... отречения от оппозиционных взглядов [Unfried 1994: 145].

Дж. Арч Гетти в работе «Ритуалы самокритики в сталинском ЦК, 1933—1938» тоже трактует «самокритику» в первую очередь как ритуал покорности. Суть его, по мнению исследователя, состояла в том, чтобы обвиняемый в любом случае, независимо от фактов, признал свою вину, тем самым продемонстрировав подчинение группе равных по рангу. Согласно Гетти, готовность признать даже фиктивную «вину» была в 1930-е годы частью «партийной дисциплины» [Getty 1999]⁵.

Далее, однако, будет показано: индивидуальные «заявления о раскаянии», с одной стороны, и «критика и самокритика», которые всегда следует понимать в коллективном смысле, — с другой, представляли собой совершенно разные явления, причем оба возникли лишь в 1920-е годы.

Вслед за Хархординым решительно невозможно согласиться с утверждением, будто внутри партии когда-либо существовала норма, предписывавшая даже на несправедливые упреки отвечать личными самообвинениями⁶.

3 См.: [Getty 1999; Kernig 1969: 1123—1134; Kharkhordin 1999; Kojevnikov 1998; Riegel 1985; Unfried 1994; Unfried, Studer 1999].

4 См.: [Kharkhordin 1999: 142—163], здесь прежде всего с. 145.

5 См. предложенную Гетти интерпретацию обвинений, выдвинутых против Енукидзе в 1935 году: «Суть дела была не в том, виновен ли Енукидзе формально. Речь шла о том, что никто... не может быть выше партийной дисциплины. Даже высокопоставленные члены номенклатуры, правившие в своих вотчинах железной рукой, не были застрахованы от требований ритуала» [Getty 1999: 59]. Заверения Бухарина (1936) в непринадлежности ни к какой террористической группировке Гетти аналогичным образом толкует как нарушение «партийной дисциплины»: «Господствующие партийные нормы заставляли Бухарина сознаться и назвать своих сообщников в порядке партийного долга. Но Бухарин... предложил альтернативный дискурс: подкреплённое фактами отрицание вины. <...> За это его обвинили в “адвокатском подходе”... и “антипартийности”. С точки зрения партийного понимания и дискурса именно так оно и было» [Ibid.: 60].

6 Ср.: «Как правило, этот тип индивидуальной исповеди не практиковался в Партии или общественных собраниях Советского Союза. Конечно, на партсобраниях участники нередко должны были давать некий публичный самоотчет... но никто не ожидал, что они станут обвинять сами себя. Ошибочная точка зрения, приписывающая русским коммунистам традицию признания индивидуальных проступков, может

Прежде всего необходимо прояснить одно прижившееся лексическое недоразумение, мешающее многим авторам отделять «самокритику» от «раскаяния». Отчасти оно восходит к неправильному переводу, который, правда, укоренился в немецкой секции Коминтерна уже в начале 1930-х годов: там, где русские «признавали свои ошибки», немецкие коммунисты уже в 1932 году рьяно «занимались самокритикой» (*übten Selbstkritik*). Поэтому исследователи, которые во многом опирались на коминтерновские документы и мемуары, едва ли имели шанс пробиться к оригинальной исторической терминологии. Но даже в 1937 году русские тексты говорят о «самокритике» лишь тогда, когда это укладывается в дискурс самокритики, который поначалу не имел никакого отношения к индивидуальному раскаянию — осознанию собственных ошибок отдельным членом партии.

Возникновение «заявлений о раскаянии» в советской партийной общественности было неразрывно связано с эскалацией внутрипартийной борьбы⁷.

Часто встречающиеся примерно с 1926 года — а с января 1928 года повсеместно требуемые — «заявления о раскаянии», в которых представители разных оппозиционных групп извинялись перед Центральной контрольной комиссией за противоуставную «фракционную деятельность» и подтверждали свою верность «линии партии и Центральному комитету», в речи современников именовались «капитуляцией», «признанием ошибок», «заявлением о разрыве с оппозицией» или эллиптически просто «заявлением», но никогда — «самокритикой». В ЦК эти заявления служили для разгрома оппозиционных группировок, тогда как «раскаявшиеся» уклонисты надеялись таким путем избежать исключения из партии. Эта политика сбора заявлений о раскаянии представляла собой лишь обращение партийного руководства к монополии на власть и определение, вариантом «кнута и пряника», но ни в коем случае не «традиционным ритуалом».

Наконец, примерно до 1930 года к публичным извинениям принуждали только тех членов партии, чье явно «оппозиционное» поведение бросало вызов властному центру, тогда как остальных не трогали.

«Отсутствие самокритики», или публичная сфера как пробел

Свое программное значение термин «самокритика» обрел не ранее декабря 1927 года, когда Сталин на XV съезде ВКП(б) осудил «отсутствие самокритики» в обществе. С «заявлениями о раскаянии» многих оппозиционеров, как раз тогда игравших политическую роль, «самокритика» 1927—1928 годов не имела

объясняться некритическим расширительным толкованием тенденций, проявившихся во время Культурной революции в Китае — или в сеансах самокритики некоторых европейских коммунистических партий и в Коминтерне, которые согласовывались с западными ожиданиями (признаний по собственной инициативе) [Kharkhordin 1999: 145].

7 О внутрипартийной борьбе см. работу Роберта Дэниелса, которая остается актуальной и спустя сорок лет (На момент перевода статьи — шестьдесят. — *Примеч. ред.*). Даже возникновение «заявлений о раскаянии» описывается там пусть и мимоходом, но достоверно: [Daniels 1962].

ничего общего, и ни один современник не спутал бы одно с другим. Совсем наоборот: скорее распространение «самокритики» стало возможным лишь с победой над оппозицией⁸.

В официальном языке последующих лет «самокритика» неизменно обозначалась как «лозунг», тогда как распространенное мнение, будто речь идет о некоей «кампании», решительно отрицалось⁹. Вскоре «самокритику» стали определять как «принцип внутрипартийной демократии»¹⁰ или как «большевистский метод воспитания» [Сталин 1949: 127].

Смысл этого лозунга органично влетался в контекст большого нарратива, который в молодом Советском Союзе являл собой обязательную точку зрения и служил для объяснения социальных условий. Приставка «само-» отнюдь не означала, что отдельный человек должен критиковать сам себя, а лишь разграничивала дозволенную «конструктивную, необходимую, благожелательную, товарищескую» критику, исходящую от рабочего класса, — и запрещенную «деструктивную, ненужную, злобную» критику со стороны оппозиции и классового врага. Рабочий класс, партия, советский государственный аппарат должны были критиковать себя «сами», тем самым восстанавливая пресловутую «связь партии с массами», «оторваться» от которых якобы то и дело пытались многие организации.

Таким образом, по сути, «самокритика» означала не что иное, как «общественно полезную критику». Смысл и цель этого лозунга пояснил при помощи наглядного анекдота Сталин:

У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом. Иван Иванович, член руководящей верхушки такой-то организации, допустил, скажем, грубейшую ошибку и испортил дело. Но Иван Федорович его не хочет критиковать, выявлять его ошибки, исправлять его ошибки. Не хочет, так как не имеет желания «нажить себе врагов». Допустили ошибку, испортили дело, — эка важность! А кто из нас не ошибается? Сегодня я его, Ивана Федоровича, пощажу. Завтра он меня, Ивана Ивановича, пощадит. Ибо какая есть гарантия, что я также не ошибусь? Чинно и хорошо. Мир и благоволение. Говорят, что запущенная ошибка есть порча нашего великого дела? Ничего! Авось как-либо выедем на кривой.

Вот, товарищи, обычные рассуждения некоторых наших ответственных работников¹¹.

Сталинское описание ситуации было, в сущности, не чем иным, как вариацией жалоб на «бюрократизм», которые не прекращались вот уже десять лет, преж-

8 Так сказал Сталин в своей речи на апрельском пленуме 1928 года [Сталин 1949: 29]. Важнейшими официальными текстами были выступление Сталина на XV съезде партии (ВКП(б): Съезд 15-й, Москва, 1927. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1935. С. 68—72), его же речь на апрельском пленуме 1928 года [Там же: 28—38], обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» от 3 июня 1928 года (Большевик. 1928. № 11. С. 3—7) и сталинская статья «Против опошления лозунга самокритики» (Правда. 26.06.1928).

9 Так, например, пишет Сталин в статье «Против опошления лозунга самокритики» (Правда. 26.06.1928). См. также: [Ингулов 1928: 31; Сталин 1949: 127—138].

10 Так в передовице журнала «Большевик» под названием «О лозунге самокритики» (Большевик. 1928. № 10. С. 3).

11 ВКП(б): Съезд 15-й, Москва, 1927. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1935.

де всего со стороны оппозиции. При этом выбор момента объяснялся успехами в борьбе с оппозицией. Поскольку «самокритика» задумывалась как «принцип», трудно было представить, чтобы существовало время, когда этот принцип не действовал бы. Поэтому в передовице «Большевика» объяснялось:

Самокритика не есть новое для партии дело. Самокритика является одним из основных принципов внутрипартийной и пролетарской демократии.

...должен быть отмечен тот факт, что в борьбе с оппозицией, в борьбе с ликвидаторским пессимизмом и меньшевистским «прогнозом» новых ренегатов партия вынуждена была наклониться... в сторону выявления наших положительных балансов. Покончивши теперь с оппозицией, партия должна внимательно приглядеться к накопившимся и недостаточно выявленным «нарывам» внутри партийных и советских организаций¹².

Притязание на связь с существующей традицией было оправданным постольку, поскольку партия уже годами осуждала в своих резолюциях «бюрократизм» и призывала товарищей к «критике беспорядков», пусть и безрезультатно.

Шахтинское дело, а также «раскрытие» целого ряда других дел весной 1928 года не в последнюю очередь послужили тому, чтобы при помощи кампаний в печати убедить советскую общественность в пагубности «отсутствия самокритики».

Так, смоленская партийная организация якобы несколько лет терпела серьезные нарушения (коррупцию, сексуальные домогательства, пьянство, личное обогащение и т.д.). Центральная контрольная комиссия (ЦКК), помимо прочего, постановила в своей резолюции:

Руководящие органы губернии ничего не делали в течение ряда лет, чтобы выявить и вскрыть преступления, оторвались от рабочих масс, создали зажим в организации, в результате чего указанные преступления оставались необнаруженными, не сигнализировали партии о тяжелом положении в губернии, обманывали центральные органы, представляя положение в губернии благополучным и решая по-«семейному» дела о преступлениях ответственных работников, выгораживали виновных¹³.

Таким образом, в Смоленске «оторвавшиеся от масс» партийные руководители вели себя именно так, как обрисовал в своем анекдоте на XV съезде Сталин. ЦКК сформулировала мораль этой истории:

Президиум Центральной Контрольной Комиссии обращает внимание всех партийных органов на то, что смоленское дело снова вскрыло те величайшие опасности, которые влекут отсутствие самокритики, нарушение основ внутрипартийной демократии, отрыв руководящей верхушки от масс [Кодин 1995: 92].

Осуждение «отсутствия самокритики» имплицитно предполагало, что все это время члены партии и пролетарии могли использовать публичную сферу для высказывания необходимой критики, однако этого не делали. Якобы давно уже доступная для выступлений с угодной режиму критикой, публичная сфе-

12 Большевик. 1928. № 10. С. 3—4.

13 См.: Резолюция президиума ЦКК ВКП(б) от 9 мая 1928 года «О положении в смоленской организации». Цит. по: [Кодин 1995: 90].

ра мыслилась как некий незаполненный пробел. Иными словами, хотя до 1928 года социальной практики под названием «самокритика» не существовало вовсе, Сталин все же настаивал на том, что при нормальных условиях она, собственно говоря, должна была бы существовать, а порицать ответственных за ее отсутствие вполне справедливо.

Развернутая в 1928—1929 годах кампания самокритики преподносилась в первую очередь как попытка создания «пролетарской общественности», в условиях диктатуры призванной эффективно бороться с любыми потенциальными непорядками в «оторвавшемся от масс» аппарате при помощи «критики снизу доверху» — и вместе с тем восстанавливать «связь партийно-советского аппарата с массами».

Поскольку речи Сталина на съезде партии и на апрельском пленуме не привели к реакции «снизу» в желаемой мере, в июне ЦК выступил с обращением «Ко всем членам партии, ко всем рабочим». «Рабочий класс» там демагогически противопоставлялся «бюрократизму... государственного аппарата». При этом бюрократам среди прочего вменялись в вину «гниль, чиновническое перерождение, распушенность, пьянство и злостное невнимание к нуждам массы, чванливое угодничество и подхалимство к “верхам”». Также будучи осведомлен о препятствиях, обыкновенно встающих на пути у «самокритики снизу», «критики снизу доверху», ЦК ясно постановлял:

Обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как «уклон», «бузотерство» и т.д.¹⁴

Партия не должна допустить, говорилось далее, чтобы «пролетарская публичная сфера» в ее работе подменялась «административным командованием». Но и это прямое обращение к «массам» как будто не вызвало нужного поворота. Когда в 1928-м или в последующие годы речь заходила о «самокритике», почти всегда критиковалось ее «недостаточное распространение» и констатировалось сохранение «бюрократизма», равно как и всех прочих непорядков. В конечном счете предметом дискурса «самокритики» всегда оставалось лишь «отсутствие самокритики». Причем было не так важно, представлял ли собой тот или иной текст внутренний отчет для ЦК, передовицу в партийном журнале «Большевик» или репортаж в провинциальной дневной газете. Как показывают отчеты, в Воронеже местные власти тоже легко держали «критику снизу» в узде¹⁵.

Помимо сталинских речей, журнальных статей и партийных постановлений вскоре появился ряд книг и брошюр, разъясняющих «практическое проведение самокритики»¹⁶. Особо пристального внимания заслуживают обе

14 Большевик. 1928. № 11. С. 5.

15 Ср. доклад, прочитанный товарищем Коковихиным на объединенном пленуме Центрально-Черноземного областного комитета и Центрально-Черноземной областной контрольной комиссии в январе 1929 года: «Результаты проверки исполнения директив об осуществлении внутрипартийной демократии и самокритики на практике». Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИ ВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 57. Л. 111—115; см. также другие исследовательские материалы в: ЦДНИ ВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 17.

16 См., в частности: [Алиханов 1928; Гричманов 1928; Ингулов 1928; 1930; Лебедь 1928; Лейтейзен 1928; Цифринович 1928; Шатурский 1928].

книги Сергея Ингулова — «Самокритика и практика ее проведения» и ее расширенное переиздание «Самокритика в действии». Едва ли приходится сомневаться, что ингуловская интерпретация «самокритики», чрезвычайно живая и наглядная, соответствовала линии партии и снискала одобрение самых высоких инстанций¹⁷. Из этой книги, явно предназначенной прежде всего для партработников, легко вывести надлежащее представление о «творческой, действенной самокритике снизу» в ее желаемой идеальной форме. Первостепенную для автора роль играет опасность «отрыва партии от масс». Поэтому партия должна прежде всего уверить «трудящуюся массу» в том, что «критика снизу» вообще желательна. До сих пор ее слишком часто жестко подавляли. В Ленинграде, например, директор обругал работницу Фадееву «контрреволюционеркой» только за ее требование, чтобы сокращение рабочих мест на фабрике происходило не за счет одиноких женщин:

Выступление это вызвало резкую характеристику со стороны директора, заявившего, что она контрреволюционерка и враг рабочего класса, и потребовавшего занесения ее выступления в протокол. Это выступление директора подействовало подавляюще на всех работниц и особенно на Фадееву, которую начало преследовать сознание, что ее слова «зафиксированы». Попытки критики, сделанные работницей Фадеевой, кончились трагически. Фадеева заболела нервным расстройством и вскоре умерла [Ингулов 1928: 9].

С этим эпизодом Ингулов связывает предупреждение о том, что дальнейшее подавление исходящей от рабочего движения критики подобными методами не пойдет партии на пользу; в таком случае «волна критики» однажды «прорвет плотину» и «хлынет по руслам, идущим мимо или и против партии» [Там же: 10]. При этом Ингулов мог ссылаться на Сталина, заявившего, что «критику снизу» следует терпеть даже тогда, когда она «содержит хотя бы 5—10 процентов правды» [Там же: 24]¹⁸.

Однако рабочий класс должен ощущать «солидарную ответственность за состояние партии». Поэтому на жалобы трудящихся всегда надлежит реагировать быстрыми конкретными мерами. Неосведомленность о «критике» или равнодушие к ней в перспективе так же вредны, как и открытое ее подавление. Почувствовав безрезультатность своей критики, трудящиеся утратили бы доверие к партии. Раскритикованным партработникам автор советовал не думать, будто публично высказанная против них критика всегда автоматически влечет за собой их смещение. Скорее, «воспитание» подразумевает, что подвергнутые критике должны исправиться в будущем. Им следует не обижаться, а сохранять самообладание и думать о том, что осознание есть лучший путь к исправлению [Там же: 31—36]. Таким образом, автор явно имел в виду только те ошибки, за которые критикуемый действительно ответствен. С дурным обы-

17 Сергей Борисович Ингулов, в 1928 году служивший заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), посвятил этой острополитической теме две книги подряд, которые вышли в «Госиздате» тиражом 15 тысяч и 10 тысяч экземпляров; как отмечалось в рецензии в партийном печатном органе, журнале «Партийное строительство», политическая позиция ингуловской книги (1930) «несомненно» отвечает духу линии партии, см.: Партийное строительство. Август 1930. С. 45—46.

18 Ингулов имел в виду сталинскую речь на апрельском пленуме (см.: [Сталин 1949: 32—33]).

чаем отвечать на «критику сверху» унижительными изъяснениями раскаяния Ингулов резко полемизировал: тот, кто кается в ошибке, которой даже не совершал, тем самым не оказывает партии услугу, а лишь идет, вероятно, по пути «наименьшего сопротивления». Честный же большевик обязан защищаться от несправедливых нападок¹⁹. Не в последнюю очередь мнение Ингулова по последнему пункту в какой-то степени выдает в нем идеалиста, ожидающего от членов партии неукоснительно самозабвенного и бесстрашного служения высшей правде «великого дела» и «линии партии» без мешански-бюрократической боязливой оглядки на иерархию. Ход правильно проводимой «творческой самокритики снизу» можно, по Ингулову, представить примерно так: (лояльное) население, рабочие и члены партии на заводских и партийных собраниях открыто критикуют конкретные непорядки и/или конкретные промахи определенных работников, на что те реагируют отнюдь не оскорбленно, а конструктивно и по делу. Совместно с критикующими они вырабатывают конкретный набор мер по устранению этих непорядков и заботятся об их прак-

19 Поскольку ингуловская полемика очевидно противоречит определенным представлениям о характере «большевистского ритуала самокритики», по-прежнему распространенным в новейшей научной литературе, соответствующий пассаж уместно привести здесь полностью: «Надо еще отметить, что предрассудки, сопровождающие в отдельных местах развертывание самокритики, породили кое-где новый вид своеобразной “алилуйщины”: готовность поспешно признавать ошибки — не только совершенные, но даже и... не совершенные, не только действительные, но и мнимые. Так как не везде можно доказать неправильность или необоснованность предъявленного на собрании или в газете обвинения, так как существует предубеждение против опровержений, почти всегда отождествляемых с бюрократической отпиской, то — то находятся товарищи, которые предпочитают “признавать” даже эти несовершенные ошибки, лишь бы не получить упрека в “настаивании” на ошибках. Между тем вряд ли нужно доказывать, что как нельзя считать большевистской добродетелью отстаивание заведомо ошибочных взглядов, так нельзя относить к числу большевистских добродетелей и покаяние в несовершенных проступках. Такие самопожертвования, может быть, уместны в романах, идеализирующих самобытные черты русских интеллигентов, но вряд ли являются целесообразным вкладом в наш большевистский инвентарь. По существу, это тоже особый вид обхода трудностей, своего рода “примиренчество” к пережестываниям, — во всяком случае, нехватка твердости в области руководства самокритикой. Известно, например, что далеко не все обвинения, предъявленные нижегородской организации по вопросу об “агронэпе” и о положении в организации были верны. Между тем крайком вначале поторопился признать правильными все эти обвинения, а спустя некоторое время должен был констатировать, что поводов для такого поспешного признания не было. Наблюдается и такое явление среди советских бюрократов и “лакированных” [коммунистов]: они готовы уже прежнюю форму чиновничьей отписки — опровержение заменить новой — покаянное письмо, при этом они очевидно полагают, что им будет удобнее всего жить по методу одной из героинь Островского “грешить и каяться, грешить и каяться”. С этим новым типом “алилуйщины” надо сурово бороться. Это — опошление не только самокритики, но и самых основных принципов большевизма, это — хвостизм, обывательское отвиливание от борьбы с демагогией и извращениями, отказ от подлинно коммунистического руководства самокритикой. Разве такое отношение к самокритике в какой-нибудь мере вяжется с тем, чему учил Ленин, когда говорил: “Мы не погибнем потому, что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости”? Ведь Ленин говорил, что нам нужно по-большевистски преодолевать слабости реально существующие, а не навязываемые нам крикунами и болтунами. “Признаваться” же в несуществующих слабостях — значит не преодолевать слабости, а отступать перед ними» [Ингулов 1930: 120—122].

тическом осуществлении. Но поскольку проведение самокритики одновременно является эффективным методом «разоблачения» всех «окончательно выродившихся бюрократов» или «замаскированных врагов» и их вычищения из аппарата, то все «непорядки» и «болезненные явления» мало-помалу исчезнут из социалистического общества.

По сути, ингуловский «дискурс» «самокритики» был не чем иным, как практической этикой, идеальным представлением о самоотверженно-неподкупном поведении личности перед лицом общественности ради пользы всего общества. Правда, неизменное соответствие этого поведения «линии партии» Ингулов считал чем-то самоочевидным.

Самокритика в общественном пространстве

Как раз потому, что «самокритика» в представленной идеальной форме так и не смогла стать распространенной общественной практикой, соответствующая этика внесла значительный вклад в возникновение «сталинизма». Сталинистским тут был не призыв к гражданскому мужеству, а требование чего-то невыполнимого. Ведь по-настоящему самоотверженная и смелая критика не только вызвала бы неудовольствие иных влиятельных «бюрократов», но и рано или поздно вступила бы в конфликт с постулатами примитивных социологических сказок или линии партии. Режим искусно создал себе возможность объяснять любые имеющиеся и постулированные непорядки «отсутствием самокритики» в соответствующей среде, тем самым перекаладывая всю ответственность на непосредственно причастных. Таким образом, эффективный, в сущности, «дискурс самокритики» заключался в двойном неснимаемом напряжении, которое он порождал: на практике современники заведомо не могли ни соответствовать моральному идеалу самоотверженной «самокритики», ни знать, как именно призыв к «критике» надлежит соотносить с обязательными идеологическими постулатами в каждом конкретном случае. Но поскольку некая «самокритика» в структурах организованной советской общественности должна была в конце концов последовать, то советское общество оказалось в ситуации, когда созданный лозунгом «самокритики» вакуум в общественном пространстве надо было как-то заполнять. В 1930-е годы эту нишу заняла коллективная травля (в зависимости от среды и профессиональной группы) кулацких детей, бывших оппозиционеров и «гражданских» специалистов наряду с принуждением к «безосновательной, небольшевистской самокритике», которой так безмерно возмущался в 1930 году Ингулов. «Самокритика» того десятилетия нередко сводилась к коллективно организованной публичной травле людей, которые, как можно было предположить, впали или могли вскоре упасть в немилость у решающих инстанций.

И все-таки невозможно провести границу между «мероприятием, посвященным самокритике» и повседневной партийной жизнью. «Самокритика» означала не обязательно некий конкретный процесс, а скорее критическую позицию, которую советский человек должен был занимать по отношению к самому себе и сослуживцам. Такие разные явления, как партийные чистки, новые выборы ответственных партработников, социалистическое соревнование, открытое собрание на предприятии и стенгазета, расценивались как выражения «самокритики». Наиболее драматической формой «самокритики» оста-

валось, конечно, полное разногласий собрание коллектива, когда товарищи обвиняли сами себя или друг друга.

В совокупности эти мероприятия составляли контролируемую партией публичную сферу — поприще, на котором должны были проявлять себя все больше советских граждан. С требованием участвовать в «самокритике» рано или поздно сталкивались не только члены партии, но и любые работники государственных учреждений и предприятий, а также колхозники и школьники.

Хотя в 1928 году дискурс самокритики в основном относился к положению на предприятиях, его пропаганда отнюдь не ограничивалась фабриками. Так, противопоставление «бюрократов» и «трудящихся» допускало перенос и на мир университета, где профессора обвинялись в подавлении «обоснованной критики со стороны студентов».

Вплоть до 1941 года «самокритика» через массовые организации постепенно охватывала все большую часть общества, причем вершинами стали кампании 1928-го и 1937-го годов. Не затрагивали они только тех, кто не принадлежал ни к какому советскому коллективу и вел жизнь на периферии общества: пенсионеров, вдов, нищих, преступников, заключенных, священнослужителей, ссыльных и т.д.

Но если сельское общество, включая партийную ячейку, соприкасалось с «самокритикой» лишь ограниченно, то современники, надеявшиеся получить от партии или государства твердый доход, квартиру, карьеру, в 1930-е годы должны были активно ориентироваться в дискурсивном пространстве «критики и самокритики». На практике это искусство во многом совпадало с умением изъясняться на большевистском партийном языке и правильно применять его ключевые понятия в соответствующем контексте. Это принципиально касалось всех функционеров, писателей и архитекторов, равно как и врачей, офицеров, специалистов и инженеров вне зависимости от членства в партии²⁰.

Помимо этих общих утверждений невозможно предоставить эмпирически достоверные количественные данные о распространении дискурса «самокритики» в отдельных профессиональных группах и на уровнях партийной иерархии. Но относительно хорошо поддается описанию функция этого дискурса, который превратил управляемую партией, политически грамотную публичную сферу в контрольную зону, где товарищи в меру характера и сноровки могли показать, заслуживают ли они дальнейшего служебного и политического взлета или падения.

Размывание границ самокритики: раскаianie советских интеллигентов

Конец политической оппозиции не означал конца покаяний. Примерно в то же время, когда «правые уклонисты» Бухарин, Рыков, Томский публично отреклись от своих взглядов, началась волна культурно-политических кампаний, в ходе которых многие видные представители духовной жизни (ученые, писатели, художники и т.д.) принуждались к публичному отказу от своих воззрений

20 «Самокритические» дискуссии интеллигенции не только самые интересные, но и лучше всего сохранились. Не в последнюю очередь поэтому настоящая работа тоже ссылается прежде всего на документы Союза писателей и Воронежского университета.

на культуру и науку²¹. В отличие от левой оппозиции и «правоуклонистов»-бухаринцев сами будущие жертвы этой политики едва ли когда-либо считали себя «оппозиционерами» и потому никак не могли знать заранее, что в один прекрасный день их теории будут признаны «вредными». Напротив, в своей области они скорее держались марксистского авангарда партии. Тем не менее вскоре, примерно с 1930 года, их, как и оппозиционеров, стали заставлять «осознавать свои ошибки» и публично отречься от «ложных» или и вовсе «враждебных партии» убеждений. Их ошибка состояла не в непокорности, а до некоторой степени в неспособности к опережающему подчинению. Это была серьезная разница, придававшая феномену «заявлений о раскаянии» совершенно иной смысл. Лишь наблюдающееся примерно с 1930 года принуждение к публичному покаянию в неумышленно совершенных грехах сделало «ритуалы исповеди» специфически сталинским явлением.

Роковым для многих представителей естественных наук и философов стало, например, осуждение «деборинской школы», чья теория вскоре получила пренебрежительный ярлык «меньшевистствующего идеализма»²². Философ-марксист Абрам Моисеевич Деборин, лично близкий к Бухарину и имевший много сторонников среди советских ученых-естественников, к 1930 году считался одним из крупнейших в Советском Союзе авторитетов в своей области. Но 7 июня 1930 года в «Правде» вышла уничижительная статья против «деборинщины», а на заседании президиума Коммунистической академии 17–20 октября того же года выступил наконец с покаянной речью и сам Деборин [Колчинский 1999: 164–165]²³. В последующие месяцы и годы все советские ученые и доценты, когда-либо так или иначе разделявшие идеи Деборина, вынуждены были публично от них дистанцироваться, потому что в противном случае рисковали бы своим рабочим местом и партбилетом. Выдающейся жертвой этого поворота стал молодой философ П.Ф. Сапожников, чья блестящая карьера началась в 1920-е годы. Однако с 1928 года на него многократно нападали как на друга Бухарина²⁴. Его избрание ректором Воронежского университета явилось чуть ли не понижением. Там он в ноябре 1929 года вынужден был отмежеваться от «правого уклона», о чем также сообщила центральная печать²⁵. Наконец, в ноябре 1931 года Сапожников вновь подвергся ожесточенным нападкам на закрытом партсобрании Воронежского государственного университета. Поводом к этому стала «резолюция» его аспирантов, которые открыто пожаловались на различные нарушения на кафедре философии. Неверно истолковавший ситуацию Сапожников, судя по всему, опроверг эти упреки в полемической форме²⁶. В связи с этим было созвано упомянутое заседание, которое более или менее соответствовало тому, что сегодня историки называют «сеансом самокритики». При этом границы между «само-

21 Об истории «ликвидации оппозиции правоуклонистского толка» см.: [Daniels 1962: 373–425].

22 О смысле «деборинщины» см.: [Колчинский 1999; Bucharin, Deborin 1974].

23 Это заявление было явно двусмысленным, так как Деборин подчеркнул, что слишком мало внимания уделял «течениям в актуальной политике».

24 Ср. написанное Бухариным в августе 1928 года гневное письмо Сталину: [Советское руководство 1999: 38–40] (документ № 15).

25 Известия. 21.11.1929. № 271. С. 3.

26 Так, по крайней мере, утверждали на собрании его обвинители: ЦДНИ ВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 53. Л. 63.

критикой» и «раскаянием» размывались. Характерно смешение совершенно разных упреков: хотя внешним поводом к мероприятию послужило предполагаемое пренебрежение служебными обязанностями со стороны Сапожникова — ректора и заведующего кафедрой, что вполне соответствует духу товарищеской «самокритики», бравшие слово участники вскоре призвали его еще раз публично отречься в печати от «деборинских заблуждений», при этом повторно высказав подозрение, что в глубине души он до сих пор не отказался от них по-настоящему. Содокладчик использовал распространенное тогда понятие «правого оппортунизма на практике», которое в определенном смысле объясняло плохую практическую работу идеологическим уклоном:

Плана работы кафедра не имела. Общественная работа не велась. Научно-исследовательской работы организовано не было. Организованной работы не было, что объясняется тем, что г. Сапожников тормозил работу отдельных товарищей. Все прорывы, имевшиеся в работе кафедры, объяснить загруженностью г. Сапожникова нельзя. Ошибки носят политический характер. Это правый оппортунизм на практике. Товарищ Сапожников, будучи деборинцем, перенес по традиции деборинские идеи в работу кафедры... <...> Вина в провале работы лежит не только на т. Сапожникове, но и на бюро партколлектива: не было критического подхода к работе г. Сапожникова²⁷.

В этом высказывании еще довольно легко разграничить оба комплекса представлений. Плачевная организация труда — предмет «самокритики», тогда как призыв к раскаянию, напротив, по-прежнему относится к мировоззренческим заблуждениям. Тот факт, что часть вины возлагается на партбюро, как раз соответствует изначальному смыслу «самокритики», ведь критика тем самым адресовалась организации в целом и делала возможным более практический подход к прозвучавшим упрекам. Эта мысль не раз возникала в ходе дискуссии:

т. Сидоров: Во всех промахах виноваты также парторганизации, т.к. вопрос был поднят не самим партколлективом, а членами партии. Вина т. Сапожникова углубляется нерешительными действиями партколлектива. Этот вопрос надо будет обсудить на партийных и комсомольских собраниях.

Витиевский: О прорывах кафедры партийной организации надо было сигнализировать первой, а она занялась этим вопросом поздно.

т. Рябцев: О всех недочетах нужно было сигнализировать раньше. Нам надо вкоре перестроить всю работу. Многие загружены мелочами, и это тормозит в основной работе. Т. Сапожникова необходимо разгрузить²⁸.

Эти высказывания призваны были несколько распределить ответственность и явно рассчитаны на оправдание Сапожникова. Особо рьяным его критикам давалось понять, что чрезмерно суровый приговор может отразиться и на них. Но те не позволили себя смутить, поскольку руководство партбюро было обновлено лишь недавно. Им надо было раскритиковать только Сапожникова, но никак не партбюро:

С разрешением этого вопроса бюро задержалось только потому, что до сего времени была неясность в этом вопросе, была создана комиссия по обследованию,

27 Там же.

28 ЦДНИ ВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 53. Л. 64 об.

выводов которой бюро ждало... <...> Новый состав бюро ни в чем не виновен. Вина старого состава состоит в том, что, вынося решения, он их не проверял²⁹.

Таким образом, парторганизация не видела особых поводов к самокритике. Зато от бывшего друга Бухарина и последователя Деборина ожидалось новое четкое изъявление раскаяния:

Сапожников нанес ряд крупнейших политических ошибок, и их надо исправить. Т. Сапожникова надо оставить работать и проверить на практической работе. Из ряда выступлений, статей и практической работы видно, что т. Сапожников осуществлял генеральную линию партии и осуждал линию правых. Необходимо обязать т. Сапожникова объявить еще более решительную борьбу правому оппортунизму, деборинщине и меньшевистствующему идеализму³⁰.

Это принуждение к повторному раскаянию слабо связано с дискурсом «самокритики». Тем не менее вскоре именно этот момент подобных заседаний — принуждение к раскаянию — стал рассматриваться как суть «самокритики», хотя на самом деле он восходил не к кампании самокритики, а к дискурсу «партийной дисциплины» и запрета «оппозиционной пропаганды». Этот сдвиг очень характерно проявляется в реакции Сапожникова: он согласился, что и правда пренебрег служебными обязанностями из-за чрезмерной загруженности. Зато упрек в «двурушничестве» он решительно отверг. Он настаивал на том, что честно сменил образ мыслей и с тех пор представлял только линию партии³¹. То есть парадоксальным образом Сапожников раскаивался именно в тех ошибках и «непорядках», которые надлежало исправлять при помощи «самокритики», но не обязательно было в них «каяться». На требования же заново отказаться от своих прежних взглядов он мог ответить лишь беспомощным доводом, что уже не раз это делал.

В то время как «самокритика» по поводу «непорядков» привела к тому, что Сапожников выразил раскаяние, в требовании от него очередного «покаянного признания», связанного с былой нелояльностью, уже проявилась тенденция, направленная на уничтожение.

Если в деле Сапожникова оба элемента — «самокритику» и «раскаяние» — еще легко разграничить, то объясняется это не в последнюю очередь тем, что и «деборинская школа» отождествлялась с «правым уклоном» и лично Бухариным. Иные коллеги, казалось, хорошо понимали, что Сапожников из-за этого впал в немилость настолько глубокую, что речь вообще уже не шла о его «исправлении», а только о полном разрушении его карьеры. При этом упрек в недостаточно решительном осуждении прежних взглядов был лишь удобным предлогом, который можно было повторять произвольно. В этом судьба Сапожникова похожа на участь Бухарина или Рыкова — его политических примеров³².

Более безобидным было дело писателей-рапповцев, которые весной 1932 года получили выговор за активное групповое проявление «семейственности»,

29 Там же. Л. 65.

30 Там же.

31 Там же.

32 Хотя постановление партгруппы в архиве не сохранилось, Сапожникова еще в том же году перевели в Саратовский сельскохозяйственный институт, а в 1937-м, по всей видимости, казнили. См.: [Советское руководство 1999: 483].

однако никто не зашел так далеко, чтобы связать их с какой-либо оппозицией³³. На первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей, где организованную советскую литературу, включая беспартийных авторов, призвали в порядке «самокритики» осудить «групповщину» и высказать «товарищескую критику» в адрес бывших рапповских функционеров, Авербах, Фадеев и Киршон тем не менее имели возможность наряду с признанием своих ошибок все же напомнить о заслугах РАППа³⁴. Слушания предварялись пространными вступительными словами функционеров Гронского и Субоцкого, которые эксплицитно признавали заслуги рапповцев, но при этом требовали от них «осознания своих ошибок»³⁵. К осени 1932 года, когда проходил этот пленум, принуждение к «публичному признанию ошибок» уже слилось в единую социальную практику с «самокритикой» как методом борьбы с беспорядками. Однако наблюдающаяся «ритуализация» противоречила изначальной идее «самокритики». Ведь все видели, что готовность «грешников» «преодолеть свои ошибки» объяснялась лишь требованием, исходящим «с самого верха», от самого Сталина, который одновременно обещал возможность пощады. Ситуация определялась приказом властителя, даже если исполнение этого приказа разыгрывалось на сцене «литературной общественности».

Впрочем, во второй половине 1930-х годов — как в Союзе писателей, так и в других организациях — нередко складывалась щекотливая ситуация, когда о точных намерениях решающих инстанций ничего уже нельзя было выяснить. Какой же ритуал причастные должны были в таком случае инсценировать на подмостках «самокритики»?

«Заседания, посвященные самокритике» и «большая чистка» 1935—1938 годов

Убийство Сергея Мироновича Кирова в декабре 1934 года и последующая фаза тщательных партийных чисток, показательных процессов и массовых арестов драматически сказались на публичной сфере партсобраний. Все члены партии и партийные ячейки обязаны были выразить отвращение к «гнусности» бывших оппозиционеров, которые в глазах населения выставлялись преступниками. Пропаганда настаивала: вездесущих террористов, якобы угрожающих безопасности страны, в первую очередь надо искать в рядах бывшей оппозиции. Политически грамотный партработник знал, что эту сказку следует понимать как анонимный приказ исключить из партии, если этого давным-давно не произошло, соответствующую группу лиц. Однако в партгруппах состояли не только бывшие оппозиционеры, но и верные линии партийцы, которые в той или иной форме выражали симпатию к оппозиционным идеям или деятелям, или же их поведение можно было истолковать как свидетельство со-

33 РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) — радикальное писательское объединение эпохи культурной революции, которое агрессивно требовало «пролетарского характера» советской литературы.

34 Выступления Авербаха, Фадеева, Киршона см. в: Советская литература на новом этапе. Стенограмма первого пленума оргкомитета союза советских писателей (29.10—3.11.1932). М.: Советская литература, 1933. С. 116—122, 124—129, 194—200.

35 Там же. С. 5—12, 36—58.

чувствия к оппозиции. В конечном счете от подобных подтасовок не был застрахован никто.

В те годы на партсобраниях регулярно разбирался вопрос о том, кого из собственных товарищей следует считать «двурушником» или «вредителем», кого исключить — и кто ответствен за то, что «двурушника» не разоблачили раньше.

В чем была суть таких партсобраний?

Стенограммы этих заседаний пестрили взаимными обвинениями и заверениями в невинности; зачастую дело доходило до более или менее развернутых покаяний. И все же было бы неверно рассматривать «принуждение к раскаянию» или «ритуал исповеди» как существенный момент этих мероприятий. В их центре находился скорее вопрос о том, как партсобранию следует расценивать только что рассмотренное «дело» и какие сделать выводы. Соответствующий пункт повестки дня обычно именовался кратко — «Дело товарища _____». Присутствующие брали слово и выражали свое мнение о проступках обвиняемого. При этом логика прений бесспорно содержала и элемент поиска правды. В отличие от ситуации с допросами в застенках НКВД, вопрос о том, что действительно произошло и как расценивать случившееся, играл очень важную роль. В конце принималась резолюция с точной квалификацией поведения обвиняемого, на основании которой его, как правило, исключали — или хотя бы объявляли выговор. При этом у самого обвиняемого, который тоже присутствовал, всегда была возможность высказать свою точку зрения. Защищался он, как правило, так долго и упорно, как только мог. Даже признавая многочисленные служебные или личные промахи, в решающем главном вопросе (о верности партии, ЦК, товарищу Сталину) сдаваться никто не собирался. Главной заботой обвиняемого было избежать исключения из партии и осуждения, которое могло выставить его «врагом». Для достижения этой цели он готов был признать многие провинности. Но все, увы, было не так просто.

Принуждение к индивидуальному самообвинению едва ли находилось в центре подобных собраний, так как раскаяние во второстепенных промахах в конечном счете было столь же маловажно, сколь раскаяние «разоблаченных врагов народа». Речь шла скорее о самой жизни, а потому важно было отразить опасные обвинения в собственный адрес, пока еще имелась такая возможность. В этом смысле характерен проект одного протокола заседания комиссии, выделенной партгруппой правления Союза советских писателей [Бабиченко 1997: 234—237]³⁶. На этом заседании от 2 ноября 1937 года рассматривались обвинения, высказанные неким товарищем Рожковым в адрес товарища Ставского, который после ареста Авербаха якобы слишком мало сделал для разоблачения приспешников последнего, зато умолчал о собственных ошибках и своей связи с врагами народа. Комиссия, институционально слишком близкая к обвиненному Ставскому, чтобы быть объективной, в своей резолюции по пунктам опровергла упреки Рожкова. О тех же ошибках Ставского, которые все-таки не оспаривались, говорилось, что он давно признал их и исправил. Обстоятельность резолюции (всего в ней было 22 пункта), констатация некоторых ошибок Ставского и «резвый» тон призваны были производить впе-

36 К сожалению, этот документ не комментируется, так что неясно, был ли проект принят; здесь это в конечном счете не важно.

чатление особой объективностью. Такая педантичность одновременно служила для перестраховки, ведь комиссия вынуждена была так или иначе учитывать возможность ареста Ставского — и не хотела бы в этом случае предстать его «защитницей». Тогда и можно было бы указать на то, что известные ошибки Ставского подробно перечислены. Таким образом, комиссия, в целом отклонив упреки как «необоснованные», все-таки нашла повод попенять на недостаточную «самокритику» в собственных рядах:

Вместе с тем Комиссия отмечает, что ряд фактов, изложенных в заявлениях [обвинителей Ставского], будучи подтверждены, свидетельствуют о наличии в работе всей партгруппы правления в целом (Союза писателей. — Л.Э.) ряда ошибок политических и организационных. Эти ошибки в основном вытекают из крайне слабо развернутой самокритики в работе Союза...

В ряде случаев со стороны тов[арища] СТАВСКОГО и партгруппы не была проявлена в должной мере партийная бдительность [Там же: 237].

Поскольку в 1937 году едва ли кто-то мог сказать о себе, что был достаточно бдителен или не допустил ни единой политической ошибки, а «самокритика», по сути, нигде не была «достаточно распространена», в этом признании едва ли можно видеть нечто иное, чем приспособленную к актуальному политическому дискурсу минимальную риторическую дозу «раскаяния». Она была необходима, чтобы обезопасить себя от упрека в том, будто комиссия считает себя «непогрешимой» или «выше всякой критики». Кроме того, по причинам, никак не связанным с дискурсом «самокритики» или «раскаяния», ни в коем случае нельзя было создавать видимость, что комиссия вообще подвергает сомнению наличие в Союзе писателей «врагов народа». Но пока она подчинялась постулату, согласно которому все арестованные должны рассматриваться как «разоблаченные враги народа», то, конечно, не могла утверждать, что своевременно «разоблачила» их, когда дело обстояло совсем иначе. Таким образом, принуждение к «самокритике» проистекало не столько из некоей требующей «раскаяния» нормы, сколько из необходимости задним числом сообразовывать свое поведение с незыблемыми постулатами сталинского «учения о вредителях».

При этом подчеркивание «распространенной во всем союзе» халатности служило даже неявной формой самозащиты, поскольку наличие «врагов народа» получало безобидное объяснение: небрежность, в любом случае более простительна чем возможное соучастие. На последнее пытались намекать доносчики, которые, уж конечно, добивались не «признания ошибок» со стороны Ставского, а его смещения.

По сути, резолюция означала явное отклонение этого упрека как беспочвенного, интриганского и необоснованного. Пока правление Союза писателей могло надеяться, что группа доносчиков фактически действовала из интриганского расчета, а не по указанию решающих инстанций, у него не было причин для «раскаяния» и «самообвинения». Служивцы обвиняемого делали ставку на то, что его защита перспективнее, чем поддержка обвинений. По сути, реакция защищавших Ставского функционеров союза, пусть и несшая на себе риторический отпечаток того жестокого времени, была не чем иным, как решительным опровержением упреков, пусть и осторожно аргументированным. Эта стратегия имела явный успех: товарищ Ставский сохранил жизнь и свободу.

Обращенный вспять дискурс раскаяния: дело Конакова (февраль 1938 года)

В январе 1938 года пленум ЦК постановил, что многие коммунисты были исключены из партии несправедливо. Для Николая Николаевича Конакова, доцента и бывшего профессора биологического факультета Воронежского университета, этот резкий политический разворот означал спасение. В 1937 году против Конакова были выдвинуты многочисленные обвинения. В октябре некто товарищ Свердлов прочитал на общем университетском партсобрании доклад о «политических, педагогических и методических ошибках» товарища Конакова, чем принудил последнего к развернутому покаению³⁷. Но теперь, после январского пленума 1938 года, все упреки в адрес Конакова вдруг перестали казаться коллегам столь же обоснованными, сколь прежде. Специально созданная высокопоставленная комиссия повторно рассмотрела дело и пришла к выводу, что выдвинутые Свердловым осенью обвинения против Конакова ввели парторганизацию в заблуждение. Дело подробно обсуждалось на «расширенном заседании местного партийного комитета» университета 16 февраля 1938 года³⁸. Высказывания присутствующих, особенно касающиеся «заявлений о раскаянии», настолько красноречивы сами по себе, что нуждаются разве что в кратком комментарии.

Товарищ Свердлов явно был удивлен этим новым оборотом дела, так как высказаться, по его собственным словам, оказался не готов³⁹. На упрек в развязывании несправедливой «травли» Конакова он отреагировал с недоумением: разве Конаков не осознал собственные ошибки?

Я склонен к тому, чтобы некоторые обвинения, которые были предъявлены к Николаю Николаевичу, пересмотреть, но пересмотр идет таким порядком, что Конаков обвиняет Руцкого, Свердлова, МК, общее собрание, которое приняло определенное решение, указывая, что оно тенденциозное, а между прочим он отказывается от того, что по существу он сам говорил на общем собрании. В стенограмме общего собрания в ряде мест встречаются заявления Конакова, что он признает свои ошибки и что постарается их исправить⁴⁰.

Тот факт, что Конаков сам признал свои ошибки, его бывшему обвинителю Свердлову служил аргументом в пользу верности высказанных упреков. Но в конце концов Конаков возразил ему: «Вы меня терроризировали и заставили признать, а теперь я от этого отказываюсь»⁴¹.

Далее произошла следующая перепалка:

Он [Конаков] в заключение сказал: «Я признал на МК свои ошибки в основном, и если я полностью не исправил, то я их исправлю до конца». Мы это приняли за чистосердечное признание. Что значит признать ошибки в основном? Это значит,

37 Чрезвычайно жаль, что стенограмму этого первого заседания, чьей драматической кульминацией явно была собственно «самокритика» товарища Конакова, в воронежском партийном архиве найти не удалось.

38 ЦДНИ ВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 89.

39 Там же. Л. 14.

40 Там же. Л. 19 об.

41 Там же. Л. 20.

что ошибки в основном были квалифицированы правильно. <...> Ведь эта методическая ошибка не привела к аресту Конакова или еще к каким-либо мерам?

Конаков: Чего Вы усиленно добавились, а сел другой!

Свердлов: Вы клеветник. Я официальное лицо университета, и я прошу Вас отвечать за свои формулировки. Вы заявили, что я добивался Вашего ареста. Соответствующие органы выяснят, так это было или нет. <...> Антон Степанович [Тихонов] бросает обвинение, что определенные лица имели тенденциозный подход к Конакову. Я заявляю, что Вы не правы и не имеете к этому никаких оснований и Вы обязаны рассмотреть вопрос по существу, т.е. что надо снять с Конакова⁴².

Свердлов явно противоречил сам себе. В последней фразе он признал, что добивался увольнения Конакова, однако отрицал, что судил тенденциозно или предвзято. Председатель ответил: «Я заявляю официально, что т. Свердлов нас ввел в заблуждение»⁴³. Он тоже придерживался мнения, что осеннее признание Конаковым своих ошибок могло быть результатом психологического давления:

...но в виду того что т. Конаков был поставлен в исключительно трудные психологические условия и общим собранием и заседанием МК возможно, что Конаков допустил «признание» своих ошибок. Имейте в виду, что человек под влиянием создавшейся обстановки может признать приписанные ему ошибки. У Достоевского описывается, что один человек признал обвинение в том, чего он никогда не делал. Психологическая обстановка имеет большое влияние. Вы говорите, что Нижевский разгромлен советском наукой, а Конаков продолжает... Какая здесь линия? Тот разгромлен, а Конаков нет?⁴⁴

В феврале 1938 года, когда не начался еще последний большой показательный процесс, мысль о том, что признания могут быть вызваны психологическим давлением, таила в себе мощную взрывную силу и не могла, конечно, просто так повиснуть в воздухе. Товарищ Яковенко возразил:

Нельзя бросаться из одной крайности в другую. Там, где сделали переоценку, нельзя обставлять дело так, что была создана психологическая обстановка, не надо было упоминать о Достоевском. Времена Достоевского — не наши времена, у нас не создается особой обстановки, у нас есть честное признание своих ошибок. Вы считаете, что на данном собрании создана прекрасная обстановка и потому Конаков все обвинения отрицает⁴⁵.

Так почему же Конаков признал свою вину? Рассматривались следующие возможности: или Конаков действительно сознавал некую вину, как полагали Свердлов и Яковенко, или поддался психологическому давлению, как считал председатель, или же пытался тем самым избежать грозившего ему ареста, как наметнул он сам. Никто из причастных, кажется, не исходил из того, что Конаков мог признать вину в порядке «ритуала» или «партийной дисциплины». Если и существовала внутривнутрипартийная норма, в определенные моменты требующая от обвиняемых «признания вины» вне зависимости от «виновности»

42 Там же. Л. 20—21.

43 ЦДНИ ВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 89. Л. 23 об.

44 Там же. Л. 24.

45 Там же. Л. 25.

фактической, то существование этой нормы явно было табу, которое нельзя упоминать. Товарищи могли представить этот феномен лишь как уродливый единичный случай. Разве недопустимость беспочвенных обвинений не размелась словно бы сама собой?

Председатель: Есть официальный документ, подписанный т. Свердловым. В нем есть убийственные формулировки. Вы не привлекали к обследованию весь имеющийся материал. <...>

Свердлов: Я считаю, что в моих выводах была политическая заостренность, м[ожет] б[ыть] в связи с политической обстановкой большая, чем теперь при переоценке дела.

Тихонов: На одном заводе некоторые работники, добиваясь «политической» оценки, добились ареста одного работника, а по рассмотрении дела его освободили, а тех, кто добивался «политической заостренности», — их арестовали.

Свердлов: Я думаю, что Ваша аналогия здесь совершенно неуместна⁴⁶.

Таким образом, Свердлов, как и Конаков, в каком-то смысле тоже чувствовал себя жертвой «политической атмосферы», которая в данном случае потребовала от него «политической заостренности». Поэтому за произошедшее ответствен был не он сам, а создатели этой «политической атмосферы». Свою задачу Свердлов явно видел в применении большого дискурса («борьбы с искажением линии партии») к конкретной ситуации («Конаков искажает линию партии»). Вне зависимости от того, верил ли сам Свердлов в «виновность» Конакова, при выдвигании своих обвинений он в любом случае исходил из веры в то, что его действия угодны высшим инстанциям. Почему же парторганизация в конце концов решила пересмотреть дело Конакова? Когда обсуждалась формулировка резолюции, председатель сказал:

Есть предложение отметить недобросовестное отношение к разбору дела бывшего председателя МК т. Свердлова, который в своих выводах допустил тенденциозность в освещении дела Конакова. Этот пункт надо отредактировать, поскольку мы констатируем неправильность обвинений. Партия и Правительство требуют указать виновников в таком деле⁴⁷.

Это замечание представляет все мероприятие в менее миролюбивом свете. После январского пленума явно требовалось искать виновных в необоснованных «перегибах», и кто-то мог прийти к мнению, что дело Конакова хорошо подходит для пересмотра. При этом тот факт, что Конаков по той или иной причине не был еще арестован, выступал большим преимуществом. Таким образом, из «дела Конакова» получилось «дело Свердлова», и вскоре партгруппа университета смогла отчитаться о том, что установила по меньшей мере одного виновного в несправедливом преследовании коммунистов. Кстати говоря, товарищ Свердлов на том собрании весьма упорно защищался от всех обвинений и не «занимался» никакой «самокритикой».

Тем не менее растянувшуюся на месяцы историю Конакова со всеми ее перипетиями можно рассматривать как типичный пример того, что в 1930-е годы обозначалось формулой «критика и самокритика»: ответственные партработ-

46 ЦДНИ ВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 89. Л. 28.

47 Там же. Л. 34.

ники чувствовали, что лозунг этот призывает их конкретным образом адаптировать актуальный «большой» дискурс к собственной ограниченной ситуации и тем самым лично участвовать в борьбе со всем тем, что, как можно было предположить, являлось «непорядком» в глазах режима. Из этого примера видно: подчас дискурс «самокритики» побуждал партийных функционеров как можно серьезнее и ревностнее, отнюдь не ограничиваясь простым следованием приказам, исполнять волю режима. При этом взаимный контроль в русле «самокритики» также способствовал тому, чтобы резкие повороты партийной политики — в данном случае, например, январский пленум 1938 года, перевернувший университетскую обстановку с ног на голову, — не могли повредить авторитету режима.

Вывод: партийная публичная сфера как «советская рулетка»

В тех источниках, где «сталинские субъекты» сами получают слово, общественные феномены принуждения к покаянию или «самокритике» отнюдь не предстают ни «традиционным, большевистским ритуалом», ни выражением того или иного общественного менталитета, как бы он ни определялся (русского, большевистского, православного и т.д.). Конкретное поведение советских людей всегда было реакцией на непредсказуемую, жестокую политику партии.

В 1930-е годы многие члены партии и другие советские граждане оказались в таком положении, когда зависимость их дальнейшей жизни от режима и вышестоящих инстанций ощущалась особенно остро. Понятно, что в этой ситуации они старались своим поведением расположить к себе власть. Не считая одного этого безусловного правила, партсобрание могло принимать любой оборот. Стратегии были многообразны: опережающая покорность, запоздалые мольбы о прощении, стремление доказать свою невиновность, иногда сопровождаемое встречными обвинениями. Ни одна из них не была бесперспективной. Поэтому при интерпретации хода партсобрания кажется целесообразным исходить не только и не столько из «дискурса ритуала исповеди», но и из ключевого понятия «партийная публичная сфера», чей «дискурс» по сути заключался в том, что присутствующие должны были «критически» высказаться друг о друге, высказывания же эти заносились в протокол и потом читались сотрудниками НКВД. При этом функция дискурса «самокритики» (или скорее воспрещаемого «отсутствия самокритики») состояла не столько в принуждении к индивидуальному раскаянию, сколько в том, что он форсировал возникновение такой формы общественности, которая превращала партийное общество в почти точную копию той паноптической тюрьмы, что после соответствующей работы Мишеля Фуко служит метафорой методов власти Нового времени [Фуко 1999: 285—334] (см. главу «Паноптизм»). Поэтому вопрос должен, собственно, заключаться не в том, почему Конаков признал свои ошибки, а Свердлов — нет, а в том, почему эти инициированные доносами мероприятия вообще происходили, несмотря на то что их проведение было вовсе не в интересах активных участников, которые тем самым значительно усугубляли собственное угнетенное положение.

Наконец, необходимо исследовать вопрос, на который здесь ответить нельзя: действительно ли стратегия режима, основанная на учреждении такого

функционирующего по принципу опережающей покорности общественного пространства, где воля режима могла непосредственно влиять на все общество (параллельно со свободными от общественности, бюрократически устроенными аппаратами, которые нуждались в четко сформулированных приказах), способствовала эффективному осуществлению власти?

Сам Сталин, кажется, был в этом убежден, однако явно надеялся, что в долгосрочной перспективе метод «небюрократического» осуществления власти сможет предотвратить «отрыв» его властного аппарата «от масс». «Связь с массами» безусловно занимала центральное место в политическом мышлении Сталина⁴⁸.

Впрочем, эта навязанная партийная публичная сфера имела не только контролирующий характер фуколдианской тюрьмы, но и в определенной степени иррациональный эффект некоего булгаковского казино. Пока причастные не могли еще знать, в чью пользу высшая из доступных инстанций в итоге решит дело, партсобрания порой превращались в бессмысленную азартную игру, которую можно назвать «советской рулеткой». Кому удавалось точнее предугадать волю решающих инстанций — тот и сохранял шанс на жизнь, свободу и карьеру.

Пер. с нем. Нины Ставрогиной

Библиография / References

- [Алиханов 1928] — *Алиханов Г.* Самокритика и внутрипартийная демократия. Л.: Прибой, 1928.
(*Alikhanov G.* Samokritika i vnutripartiynaya demokratiya. Leningrad, 1928.)
- [Бабиченко 1997] — «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы / Ред. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997.
("Schast'e literatury". Gosudarstvo i pisateli. 1925—1938 gg. Dokumenty / Ed. by D.L. Babichenko. Moscow, 1997.)
- [Гричманов 1928] — *Гричманов М.* О самокритике и активизации партийной организации Красной Армии. Харьков: Полит. упр. укр. воен. окр., 1928.
(*Grichmanov M.* O samokritike i aktivizatsii partiynoy organizatsii Krasnoy Armii. Kharkiv, 1928.)
- [Ингулов 1928] — *Ингулов С.Б.* Самокритика и практика ее проведения. М.: Государственное издательство, 1928.
(*Ingulov S.B.* Samokritika i praktika ee provedeniya. Moscow, 1928.)
- [Ингулов 1930] — *Ингулов С.Б.* Самокритика в действии. М.: Государственное издательство, 1930.
(*Ingulov S.B.* Samokritika v deystvii. Moscow, 1930.)
- [Кодин 1995] — *Кодин Е.В.* Смоленский нарыв. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1995.
(*Kodin E.V.* Smolenskiy naryv. Smolensk, 1995.)
- [Колчинский 1999] — *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии в 20-х и 30-х гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

48 Ср.: «Думаю, большевики напоминают нам героя греческой мифологии Антея. Подобно Антею, они сильны тем, что, поддерживая связь со своей матерью — народом, имеют все шансы оставаться непобедимыми. В этом ключ к непобедимости большевистского руководства. Таковы основные уроки проделанного большевистской партией исторического пути» [Geschichte der Kommunistischen Partei 1946: 439].

- (*Kolchinskiy É.I.* V poiskakh sovetskogo "soyuz" filosofii i biologii. Diskussii i repressii v 20-kh i 30-kh gg. Saint Petersburg, 1999.)
- [Лебедь 1928] — *Лебедь Д.З.* Пролетарская демократия и самокритика. М.: Государственное издательство, 1928.
- (*Lebed' D.Z.* Proletarskaya demokratiya i samokritika. Moscow, 1928.)
- [Лейтейзен 1928] — *Лейтейзен Ц.* О самокритике. М.: Московский рабочий, 1928.
- (*Leytzezen Ts.* O samokritike. Moscow, 1928.)
- [Советское руководство 1999] — Советское руководство. Переписка 1928—1941 / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999.
- (*Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska 1928—1941 / Comp. by A.V. Kvashonkin, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaja, O.V. Hlevnjuk.* Moscow, 1999.)
- [Сталин 1949] — *Сталин И.В.* Сочинения: В 13 т. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949.
- (*Stalin I.V. Sochineniya: In 13 vols. Vol. 11.* Moscow, 1949.)
- [Фуко 1999] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; ред. И. Борисова. М.: Ad Marginem, 1999.
- (*Foucault M.* Surveiller et punir. Naissance de la prison. Moscow, 1999. — In Russ.)
- [Цифринович 1928] — *Цифринович В.Е.* За самокритику. М.: Московский рабочий, 1928.
- (*Tsifrinovich V.E.* Za samokritiku. Moscow, 1928.)
- [Шатурский 1928] — *Шатурский С.* Больше самокритики. М.: Государственное издательство, 1928.
- (*Shaturskiy S.* Bol'she samokritiki. Moscow, 1928.)
- [Bucharin, Deborin 1974] — *Bucharin N., Deborin A.* Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus / Einl. von O. Negt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974.
- [Daniels 1962] — *Daniels R.V.* Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland. Köln: Kiepenheuer und Witsch, 1962.
- [Geschichte der Kommunistischen Partei 1946] — Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang / Unter Redaktion einer Kommission des Zentralkomitees der KPdSU(b). Berlin: Verlag der sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland, 1946.
- [Getty 1999] — *Getty J.A.* Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933—1938 // The Russian Review. 1999. Vol. 58. P. 49—70.
- [Kernig 1969] — Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie / Hrsg. von C.D. Kernig. B. 3: Ideologie bis Leistung. Freiburg: Herder, 1969.
- [Kharkhordin 1999] — *Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999.
- [Kojevnikov 1998] — *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // The Russian Review. 1998. Vol. 57. P. 25—52.
- [Riegel 1985] — *Riegel K.-P.* Konfessionsrituale im Marxismus-Leninismus (Herkunft und Zukunft 7). Graz: Styria, 1985.
- [Unfried 1994] — *Unfried B.* Rituale von Konfession und Selbstkritik: Bilder vom stalinistischen Kader // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 2. 1994. S. 148—164.
- [Unfried, Studer 1999] — *Unfried B., Studer B.* „Das Private ist öffentlich“. Mittel und Formen stalinistischer Identitätsbildung // Historische Anthropologie. 1999. Bd. 7/1. S. 83—108.